

Глава 42: Оживлённая Сцена

С высоты огромная пустыня простиралась бесконечно, а летящие артефакты различных сект были разбросаны по ней, словно звезды в небе. В меркнувших сумерках их свечение переливалось разными оттенками. Ученики всех фракций продвигались в глубь Ханьхай с разных направлений.

Уже в этот момент можно было наблюдать распределение сил в мире совершенствования. Если две секты находились в дружеских отношениях, их группы летели ближе друг к другу, и ведущие их старейшины иногда обменивались приветствиями. Если же между ними была вражда, они держались на расстоянии десятков ли, полностью избегая друг друга. Вокруг шести основных сект собирались секты поменьше и благородные семьи совершенствующихся, стекаясь к ним, как звезды вокруг луны.

Раньше область вокруг Меча Горной Секты Хань Шань всегда была самой оживленной. Однако на этот раз Озеро Миньюэ имело еще большее присутствие, выступая равным соперником Хань Шань.

То же самое было и в небесах. Там, где когда-то в облаках возвышался Цзи Сяо, теперь Мастер Озера Тяньху и Мудрец Озера Миньюэ парили на своих облачных кораблях, ни один из них не желал спускаться. Два огромных корабля стояли друг против друга издалека, образуя равновесие, немую стабильность.

На первый взгляд казалось, что даже после смерти Цзи Сяо правила этого мира остались неизменными.

Две любимые наложницы Ху Сы сопровождали Мэн Сюэли по Радужному Мосту. Цюгуан поддразнила: "Что такого сказал Владыка, что маленький ребенок расстроился?"

"Ребенок? Пусть его внешность тебя не обманывает," — хихикнул Ху Сы. "У него есть редкое оружие, подаренное Цзи Сяо, которое можно использовать как летающий артефакт, но он утверждает, что не умеет владеть мечом. Вот почему я расцвел для него лотос и построил Радужный Мост. Тебе следует завидовать ему и называть его хитрым".

Обе женщины знали, что Владыка шутит. Чуньшуй мягко ответила: "Я бы не посмела".

Ху Сы подумал про себя: демоны лучше всех умеют обманывать. Чем больше терпения проявляет Мэн Сюэли, тем больше должны быть его амбиции.

Цюгуан спросила: "Мы останемся здесь до окончания Состязания в Ханьхай? Мы не вернемся на Озеро Тяньху за это время?"

Ху Сы небрежно ответил: "Когда вы обе рядом со мной, Ханьхай ощущается точно так же, как Тяньху".

Женщины захихикали от его слов, но знали, что эта привязанность была мимолетна, как утренняя роса или ночной цветок. Они могли только надеяться, что это продлится немного дольше, прежде чем исчезнет.

Мастер Озера Тяньху всегда был таким — абсолютно безответственным в вопросах сердца.

Раньше люди говорили: «Если кто и сможет по-настоящему Вознестись, то это будет Цзи Сяо». Теперь те же слова использовались для описания Ху Сы. Хотя культивация Ху Сы охватывала обширный диапазон — алхимия, создание артефактов, гадание и наблюдение за энергией — ему недоставало чистой боевой доблести мечника. Однако Святой Озера Миньюэ старел, и в отношении таланта и понимания он не мог сравниться с Мастером Озера Тяньху.

В прошлом люди полагали, что если Цзи Сяо Вознесется, он может взять с собой своего Дао-компаньона, Мэн Сюэли. Но никто не думал, что Ху Сы возьмет кого-то с собой.

Даже наложницы и любовницы Владыки не питали иллюзий и никогда не спрашивали его о планах на будущее.

Много лет назад, когда наставник и Ху Сы, и Цзи Сяо приближался к концу своего жизненного пути, он позвал двух своих учеников для последней беседы, и его сердце было спокойно.

"У меня нет сожалений в этой жизни. Я не оставляю божественного оружия или наследия секты, только несколько слов наставления". Он повернулся к Ху Сы и сказал:

"У тебя невероятная способность — ты живешь так, как тебе угодно, не боясь осуждения мира. Я горжусь, что у тебя есть этот дар. Но иногда, немного больше думать о других может принести тебе еще большее счастье".

Ху Сы ответил: "Ваш ученик — студент, я не понимаю".

Для него жизнь должна была быть наполнена наслаждением. Какой в ней был смысл иначе? Он делал все, что хотел, не обращая внимания на мнение других, и это делало его счастливым.

Его наставник вздохнул, затем повернулся к Цзи Сяо:

"У тебя необычайный талант и непоколебимая решимость. Никогда не было ничего, чего бы ты не смог достичь. Твой путь впереди долг, и я лишь надеюсь, что ты не будешь одинок. Но это

то, чего нельзя достичь одними лишь усилиями, да и ты, кажется, не стремишься к этому. Поэтому я оставляю это судьбе. Пусть Небеса даруют тебе свою милость".

Цзи Сяо ответил: "Я не понимаю". Одиночество всегда было нормой в культивации.

Его наставник снова вздохнул.

Даже после того, как они оба стали Святыми, приблизившись к вершине своего Дао, Ху Сы оставался потворствующим своим желаниям, а Цзи Сяо оставался один.

Однако после реинкарнации Цзи Сяо он, наконец, исполнил желание своего наставника — он не только перестал быть одиноким, но и его жизнь стала несколько оживленной.

Попрошавшись с Главой Секты, он и Юй Цишу вернулись на к Чанчунь*. Как только они прибыли, Юй Цишу в отчаянии рухнул.

"Ты хочешь уйти в уединение? Я полностью это поддерживаю — сто раз, десять тысяч раз! Но ты заставляешь меня сражаться на Площадке Меча? Двадцать поединков? Я же против тебя и трех ходов не продержусь! Те старшие братья на арене культивируют дольше меня — как я должен победить?"

Цзи Сяо: "Ты много работал и сильно улучшился".

Он говорил правду, но Юй Цишу воспринял это как простое утешение. "...Я этого не чувствую. Совершенно никакого резонанса".

Цзи Сяо усмехнулся. "Даже если ты не веришь в себя, ты должен верить в меня".

Юй Цишу неохотно согласился. "Ладно. Но когда ты выйдешь из уединения?"

"Через три месяца".

"Как раз к возвращению Брата Мэна на пик. Я хорошо позабочусь о карпе, крысах и персиковых цветах".

Юй Цишу подумал про себя — похоже, ему придется некоторое время культивировать в одиночестве.

Затем он спросил: "Будь честен со мной. Насколько ты уверен, что на этот раз в уединении

прорвешься в Царство Сгущенного Духа?"

Цзи Сяо ответил: "На сто процентов".

Юй Цишу: "..."

Юй Цишу: "Хорошо, что ты вступил на пик раньше меня. Иначе я бы стал старшим учеником Пика Чанчунь, чтобы обнаружить, что я слабее своего младшего брата. Это свело бы меня с ума!"

Цзи Сяо слегка нахмурился. "Почему?"

Юй Цишу снова потерял дар речи.

Проведя время вместе, он понял, что Сяо Тинъюнь был гением в культивации, но несколько медлителен, когда дело доходило до тонких человеческих эмоций. Поэтому он попытался объяснить:

"Подумай об этом — естественно, что старший ученик сильнее младшего. Но если старший слабее и нуждается в защите и наставлении младшего, разве это не будет смущать? Даже если другие не смеются, эмоции, замешанные в этом — гордость за младшего, разочарование в себе и, возможно, намек на зависть — должны быть довольно сложными".

Цзи Сяо на мгновение задумался. "Я не понимаю".

Юй Цишу вздохнул. "Забудь, зачем ты вообще об этом думаешь? Сейчас ты старший, а я младший! Завтра я иду бросать вызов на арене Площадки Меча. Как ты думаешь, сколько боев мне следует провести в первый день?"

Цзи Сяо ответил: "Почему бы не закончить их все сегодня днем?"

Разочарованный крик Юй Цишу эхом разнесся по горам, заставив рыбу выпрыгнуть из воды, а крыс — разбежаться. Пик Чанчунь внезапно наполнился шумом и активностью.

Тайное Царство Ханьхай было миром само по себе. Все, что происходило внутри, было совершенно недоступно для внешнего божественного чутья.

После того, как ученики отправились в путь, старейшинам, ведущим экспедицию, было нечего делать. Те, кто обладал одиноким нравом, уединились для культивации, в то время как более

общительные собирались пить чай и обсуждать Дао.

У некоторых женщин-совершенствующихся было другое занятие — они собирались играть в карты. На палубе Хань Шань было установлено пять или шесть карточных столов, и воздух наполнял отчетливый звук тасования.

В Сяшань и Долине Сунфэн было много женщин-совершенствующихся. В юности многие восхищались Цзи Сяо и часто находили предлоги, чтобы посетить Хань Шань, самым распространенным из которых была игра в карты с Мастером Пика Цзыюнь — просто ради 'случайной встречи' с Цзи Сяо.

К сожалению, Цзи Сяо был совершенно невосприимчив к таким вещам, абсолютно равнодушен к романтике. Со временем эти совершенствующиеся махнули на него рукой — и вместо этого искренне пристрастились к игре в карты.

Как они сами говорили: любовь утомительна, бросать кокетливые взгляды на слепого бессмысленно, так почему бы просто не поиграть в карты?

Однажды Мастер Пика Чунби навестил Мастера Пика Цзыюнь и услышал тасование карт внутри. Почувствовав озорство, он крикнул из-за окна: "Мечница-Владыка здесь!" Однако внутри комнаты ни одна из женщин даже не вздрогнула. Они оставались полностью сосредоточены на своих руках, вытаскивая карты с непоколебимой концентрацией. Мастер Пика Чунби цокнул языком от изумления.

Связь 'карточного компаньона' иногда была даже крепче, чем связь 'Дао-компаньона' — именно потому, что она не касалась эмоций, а только побед и поражений. Если бы у кого-то были скрытые мотивы и он намеренно подсовывал карты, чтобы помочь другому выиграть, это испортило бы все удовольствие. Такого человека нельзя было считать настоящим карточным компаньоном.

Даже женщины-совершенствующиеся, которые установили связь со старейшинами других сект посредством двойной культивации, все равно приходили в Хань Шань играть в карты.

Тасуя карты, они неторопливо болтали, свободно высказываясь за столом. Разговоры часто забывались, стоило им перейти к следующей игре.

"У тебя сегодня невероятное везение! Ты купила персиковые цветы с Пика Чанчунь?"

"Какие персиковые цветы?"

"Ты не знаешь? Счастливые персиковые цветы Мэн Сюэли! Они есть в каждом магазине

«Хэнтон Цзююань»".

Фея Лу Яо усмехнулась: "Такая вульгарщина? Я бы на это и не взглянула. В отличие от Бай Фу, которая даже носит его как шпильку".

Фея Бай Фу презрительно фыркнула. "Эта шпилька с персиковым цветком — подарок от кого-то другого. А вот ты — разве ты всегда не использовала специальный сосновый ладан из Долины Сунфэн? Почему сегодня от тебя пахнет персиковым цветком? Это новый продукт от «Хэнтон Цзююань»?"

Мастер Пика Цзыюнь вмешалась: "Я, Юань Чжи, отвечаю за свои слова. Если я говорю, что не покупала его, значит, не покупала! Мой ученик просто проявил сыновнюю почтительность и подарил мне горшечное персиковое дерево".

Фея Лу Яо вздохнула: "Это все вина Мэн Сюэли. Вместо того, чтобы должным образом культивировать на Пике Чанчунь, он продает всякую ерунду, принося хаос в мир совершенствования. Удача диктуется Небесами. Мы, культиваторы, должны просто накапливать добрую карму..."

Фея У Чжи прервала: "Ладно, ладно, раз уж они у нас у всех есть, давайте не будем подшучивать друг над другом".

Мастер Пика Цзыюнь кивнула: "Именно. С тех пор, как Мечник-Владыка ушёл, жизнь у него нелегка. Ну и что, если он продает кое-что?"

Кто-то с любопытством спросил: "А что насчет 'Уставший от дождя' и 'Изнуренный ветром'? Ты о них слышала? Мэн Сюэли планирует продать и их?"

"Это дело между Дао-компаньонами — откуда мне знать? Он никогда их не продаст, забудь об этой мысли. У него и Цзи Сяо особая связь".

Как и ожидал Мэн Сюэли, вскоре после того, как он вошел в тайное царство, слухи об 'Уставший от дождя' и 'Изнуренный ветром' распространились по всему миру.

Некоторые предполагали, что это пара мечей, содержащих истинную сущность и наследие мастерства меча Цзи Сяо. Другие считали, что это накопительные кольца, вмещающие огромное, независимое пространство, наполненное бесчисленными небесными сокровищами.

Поскольку это был последний дар Цзи Сяо своему Дао-компаньону, они должны были быть редкими сокровищами, превосходящими всякое воображение.

Мэн Сюэли быстро двигался по золотому песку, преодолевая огромные расстояния за несколько шагов. Пустыня Ханьхай простиралась бесконечно, и, кроме трех сопровождающих его учеников, других фигур не было видно.

Небо выгибалось, как огромный купол, его свет постепенно тускнел, и начинали появляться звезды. На горизонте появился пышный оазис — вход в тайное царство.

Легенда гласит, что тайное царство было дрейфующим фрагментом пространства. Цзи Сяо, используя божественную силу святого, извлек этот фрагмент из-за пределов мира и поместил его в пустыню Ханьхай.

Глубоко под пустыней стоит на страже мифический зверь-мираж.

Следуя указаниям Цзи Сяо, зверь выдыхал раз в двадцать лет, создавая мираж, чтобы открыть местоположение тайного царства. Любой, кто войдет без пропускного жетона, будет обнаружен зверем и отброшен на триста ли, прямо из пустыни.

Когда они приблизились к мерцающему оазису, пейзаж внезапно изменился — тьма сменилась дневным светом, золотой песок превратился в зеленую траву.

Мэн Сюэли и его группа остановились, осматривая окрестности. Плавающее пространство тайного царства постоянно менялось, команды входили в разное время и в разных местах, прибывая в совершенно отдельные локации.

Чжан Суюань внимательно изучил карту. "Это должна быть Долина Биюнь. Нам повезло — она находится в северо-западном углу царства, со сложным рельефом. Согласно прошлому опыту, в первые два дня здесь не будет слишком много людей. Старейшина Мэн, стоит ли нам поискать поблизости духовные травы?"

Духовные травы классифицировались по типу и возрасту, самые редкие из них стоили десять очков каждая. Но в этом тайном царстве не было сокровища ценнее, чем пропускной жетон, который стоил тысячу очков. Потеря жетона означала проигрыш в испытании, вынуждая покинуть его через массив телепортации.

Если две команды пересекались, это часто приводило к ожесточенной битве. Без правила, запрещающего причинять вред тем, кто проиграл, уровень смертности в этих испытаниях, вероятно, удвоился бы.

В начале соревнования команды обычно держались в тени, что было стандартной стратегией.

Мэн Сюэли призвал 'Время Ста Веков', его наконечник копья ударился о землю.

"Сбор трав занимает слишком много времени. Давайте сэкономим время и отправимся на

восток".

Увидев, что трое других выглядят смущенными, он объяснил: "В Центральный Город. Там будет пооживленнее..."

Прежде чем он успел закончить, внезапный шквал резких свистящих звуков пронесся сквозь высокую траву вокруг них.

Похоже, не было необходимости идти на восток — здесь уже было оживленно.

<http://bllate.org/book/12813/1130421>